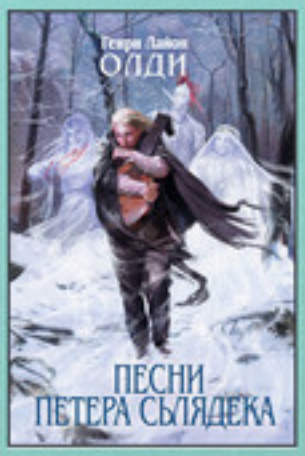
Генри Лайон Олди

Бледность не порок, маэстро!



Часть сборника
Песни Петера Сьлядека (сборник)

Хёнингский цикл

Генри Олди

Бледность не порок, маэстро!

«Автор»

2003

Олди Г. Л.

Бледность не порок, маэстро! / Г. Л. Олди — «Автор», 2003 — (Хёнингский цикл)

«– Куда плывем, синьор?– К гостинице «Тетушка Розина», синьор!Времени было навалом. В другой ситуации Петер Сьлядек непременно сэкономил бы десять сольди, выделенных ему маэстро д'Аньоло на дорогу. Однако с острова Ла-Джудекка, где, благодаря маэстро, Петер обосновался при консерватории, в центральную часть Венеции по мосту не попадешь. Слишком широк канал, разделяющий острова. Только на лодке, по-здешнему – гондоле. Увы, придется раскошеливаться…»

© Олди Г. Л., 2003
© Автор, 2003

Генри Лайон Олди
Бледность не порок, маэстро!

«Если вы видели, как бранятся две записные кумушки, встретясь на Пьяццетте, – слово за слово, сближаясь и отскакивая, с блеском нападая и с доблестью отражая, молниеносно подыскивая аргументы и сравнения, косвенные намеки и ложные угрозы, чередуя их с прямыми, беспроигрышными оскорблениями, плетя кружево брани с мастерством истинного виртуоза, – вы поймете меня, когда я говорю о подлинном искусстве фехтования.»

Ахилл Морацци-младший, комментарии ко второму изданию Книги Морацци-старшего «Искусство оружия», исправленному и дополненному.

Прядет, не спит
Седая пряха:
Прах к праху,
Страх к страху…

Ниру Бобовай

– Куда плывем, синьор?

– К гостинице «Тетушка Розина», синьор!

Времени было навалом. В другой ситуации Петер Сьлядек непременно сэкономил бы десять сольди, выделенных ему маэстро д'Аньоло на дорогу. Однако с острова Ла-Джудекка, где, благодаря маэстро, Петер обосновался при консерватории, в центральную часть Венеции по мосту не попадешь. Слишком широк канал, разделяющий острова. Только на лодке, по-здешнему – гондоле. Увы, придется раскошеливаться.

– С песней, синьор? Всего за пару медяков я спою вам…

– За пару медяков я сам спою вам, синьор!

Вода зажурчала, обтекая борта. Гондольер подмигнул пассажиру, вполголоса мурлыча «Солнце над крышами», – дескать, не волнуйтесь, синьор, бесплатно! – и Петер, тихонько подхватив, улыбнулся в ответ. Скрягой он отродясь не был. А здесь, в Венеции, в его вечно пустых карманах, как ни странно, понемногу забренчали монетки. Крышей над головой он обеспечен, харчи едва ли не дармовые… Между прочим, маэстро д'Аньоло сегодня намекнул, что разрешит посещать свою школу лютнистов. По плечу хлопнул: «Наскребешь деньжат – заплатишь! Эх ты, бродяжья твоя душа!» Казалось бы, вот оно, счастье! Это тебе не при корчмах отираться, мешки таскать, когда голос от простуды сел. Живи в тепле-сытости, наслаждайся всякими «анданте» и «легато»…

Разве плохо?!

Хорошо. Лучше лучшего. Но Петер уже знал, что не останется в школе у великодушного маэстро. Неделя, от силы две – и он не усидит. Без того задержался дольше обычного: пошел третий месяц, как Петер Сьлядек ступил с шаткой палубы на потемневший от времени, изъеденный морской солью настил причала в здешнем порту.

Теперь дорога вновь звала бродягу. Дорога? – или правы чудаковатые мастера, рассказавшие ему старую легенду?

…О Венеции Петер мечтал давно. Помнится, на Хенингской ярмарке увидал у минезингера Эрнста кипу засаленных листков, испещренных странными значками – *нотами*, услышал, как Эрнст играет: касаясь струн не пальцами, а костяным плектром; позже, сидя с минезингером в таверне, внимал рассказу о школах лютнистов в гордой Венеции, колыбели искусств.

Вроде бы Эрнст даже учился в одной из таких школ (пока хватило денег), хотя в последнее верилось мало. Впрочем, не важно. С той минуты Петер Сьлядек «заболел» Венецией.

И вот – свершилось. Легендарный город на воде, где вместо улиц – каналы, вместо лошадей и повозок – лодки-гондолы; город купцов и мореходов, стеклодувов и сукновалов, живописцев и скульпторов, вельмож и фехтовальщиков… Первые дни Петер бредил местными красотами: Пьяцца Сан-Марко, Дворец дожей, недавно возведенный Мост Вздохов, палаццо Ка д'Оро и Вендрамин-Калерджи, церковь Санта-Мария Глориоза деи Фрари с алтарными картинами работы живописца Вечелли… Фасады, инкрустированные цветным мрамором, ажурные галереи и узорчатые окна, в чьих витражах радугой вспыхивало солнце. Изогнутые арки мостов, парившие в воздухе и одновременно отражавшиеся в глубокой, густо-синей воде каналов. Тесные ряды каменных, сплошь трех-четырехэтажных домов, а над крышами – аромат моря и ясные глаза неба, где плывет перезвон колоколов, заглушая крики чаек.

Частица удивительного мира, в котором нам выпало жить. Прекрасная, манящая, доступная и отстраненная, словно местная куртизанка, – но всего лишь частица.

А мир велик.

В свое время, волочась за труппой фигляров из Милана, Петер чуть-чуть поднатаскался в италийском наречии; вдобавок старался, насколько возможно, углубить знания на корабле, по пути сюда. Языки давались легко: зная дюжину, освоить тринадцатый проще простого. Высадившись на берег, он без особых помех разыскал ближайшую школу лютнистов, а заодно – расположенную поблизости консерваторию. Консерваториями здесь назывались приюты для сирот и беспризорников, существовавшие на средства, выделяемые Синьорией, и пожертвования богатых горожан. В консерваториях детей, помимо прочего, обучали музыке и пению, готовя из них хористов для многочисленных церквей. Петер аж обзавидовался: его собственное сиротство прошло рядом с дедом-лирником – слякоть, холод, подзатыльники… В итоге теперь он все свободное время околачивался под окнами школы маэстро д'Аньоло, или под стенами консерватории: запоминал, пытался подбирать на слух, тихо, чтоб не услышали внутри, подыгрывал разучивавшим псалмы и гимны хористам. Внимал музыкантам на площадях или в харчевнях, стараясь перенять манеру игры. Впрочем, последнее занятие быстро забросил: убедился, что сам играет не хуже.

Видимо, истинные мастера брезговали «черной» публикой.

Его догадку неожиданно подтвердил один синьор, когда Петер отважился сунуться в харчевню поприличнее. Хозяин милостиво кивнул, и бродяга, осмелев, уселся в углу. Достал инструмент. Не прошло и часа, как в шляпе, брошенной рядом, зазвенели первые монеты. А ближе к вечеру вышеупомянутый синьор, похожий на усталого льва, пригласил музыканта за свой стол.

– Вы чужеземец, это сразу видно, – синьор выпятил клочковатую бороду, грозно взглянув на хозяина. Мигом перед Петером образовалось блюдо куриных грудок в острой подливе, а следом явился кувшин вина. – Дело даже не в одежде или акценте. Наши зазнайки скорее откусят себе пальцы, чем унизятся до игры в харчевне!

Петер счел за благо промолчать, набивая рот курятиной.

– Все готовы душу продать за богатого покровителя! Стать придворным лютнистом или арфистом у епископа, сенатора, а если повезет, – у самого дожа… Играть для кучки чванных дураков! Посему настоящая Венеция обречена слушать игру бездарных ремесленников. Вас это не касается, молодой человек. Вы – приятное исключение в сонме тупиц.

– Благодарю, синьор… – с трудом выдавил Петер, кашляя. От таких похвал жгучий соус показался и вовсе огнем. В ответ синьор лишь вальяжно махнул рукой: пустое, мол.

И неожиданно завершил речь:

– А итог исканий, творческих взлетов… Хотите, я почитаю вам стихи?

– Ага! – Петер навострил уши. Когда еще представится случай услышать стихи из уст настоящего синьора! Может, удастся сложить на них песню…

Лев саркастически изломал бровь:

– Болячки мне наградой за труды —
Так старый кот-ломбардец, скорбен брюхом,
Рыгает смачно и мяучит глухо —
Да в грудь уперлись космы бороды,
Да ребер изможденные ряды
Торчат наружу, и течет из уха…

Черт побери! Петер ожидал возвышенной лирики, а тут… Он судорожно пытался запомнить слова. Синьор же продолжал декламировать, пока блюдо с курицей не опустело; потом пришло время брать в руки лютню и, увлекшись игрой, Петер не заметил ухода странного синьора.

Зато хозяин заметил.

– Ты хоть знаешь, кто это был? – свистящим шепотом осведомился он у бродяги.

– Я?! Н-нет…

– Микель-Анджело Буонаротти, известный поэт-сатирик! В молодости он работал скульптором, но бросил занятие ваятеля, полагая его низким. Сам папа Юлий II приглашал маэстро расписывать Сикстинскую капеллу – куда там! Отказался. Велел передать: пусть вам всякие Рафаэли живописуют! Своими сатирами он многим мозоли оттоптал! Только его привечает наш дож…

В итоге Петер действительно подобрал мелодию к стихам язвы-сатирика, которые сумел запомнить. Не забывая всякий раз объявлять: «Песня на стихи синьора Буонаротти!» Обычно успех был обеспечен, но однажды музыканта едва не побили: среди слушателей оказался пострадавший от острого языка Микель-Анджело. Но все это происходило вечерами. С утра же Петер Сьлядек неизменно объявлялся у школы лютнистов, где его в конце концов и приметил маэстро д'Аньоло. А тут еще, посетив консерваторию по просьбе епископа Браманте – дать рекомендации новым хористам для церкви Санта-Мария деи Мираколи, – маэстро обнаружил, что бродяга тайком на слух аккомпанирует хору. И, надо сказать, делает это весьма успешно, используя не традиционный плектр, а совершенно оригинальную манеру пальцовки.

Когда д'Аньоло тронул заигравшегося Петера за плечо, тот едва не подскочил от неожиданности. Лютня жалобно тренькнула, мелодия оборвалась. «Сейчас прогонит,» – обреченно и почти равнодушно подумал бродяга.

– А ну-ка, любезный! Вот с этого места: трам-пам-парам-па…

Так они и познакомились. Больше часа простояв на улице под консерваторией: Петер по требованию маэстро играл, играл, играл, а д'Аньоло размахивал руками и поминал дьяволов. После чего велел «бамбино виртуозо» следовать за ним. В итоге Петер Сьлядек получил в свое распоряжение каморку под лестницей, ведущей на второй этаж, а заодно – возможность присутствовать на репетициях хора и столоваться здесь же, в консерватории. За эти блага он расплачивался колкой дров для кухни, мытьем полов и исполнением различных поручений. Изредка д'Аньоло звал Петера аккомпанировать хористам (платные ученики маэстро считали подобное ниже своего достоинства). Чванство учеников принесло еще одну выгоду: маэстро редко устраивала игра на слух, и он требовал, чтобы «Петруччо» играл по нотам. Нот Петер не знал – волей-неволей пришлось маэстро обучить новичка премудростям табулатуры. После чего «бамбино виртуозо», узнав, где находится *нотопечатня*, наведался туда, приобретя сборник фривольных канцон, каковые не замедлил включить в репертуар.

Его лютней маэстро заинтересовался примерно через неделю после знакомства. Едва очередная репетиция закончилась, а юные хористы устремились к выходу из зала, взгляд д'Аньоло случайно мазнул по инструменту бродяги.

И застыл, словно увидя впервые.

– Мамма миа! Дай! Дай сюда!..

Петеру почудилась дрожь в голосе учителя, но он не придал этому значения. С чего бы маэстро вдруг заинтересовала старая лютня? Звучала она хорошо, но Петер, наскреби он денег для покрытия разницы, не задумываясь, обменял бы старушку на более новый инструмент. А, собственно, почему бы и нет? Здесь, в Венеции, он малость подзаработал, – может, попытать счастья?!

Вид у маэстро, когда он возвращал инструмент, был странный. Он даже ушел, не попрощавшись, чего раньше с ним не случалось. А Петером всецело завладела идея купить новую лютню. Разузнав у консерваторского повара, где находится мастерская, бродяга направился в указанном направлении. Гондола доставила его прямо на место – от уходивших в воду гранитных ступеней до мастерской было недалеко. Пожилой бородач открыл дверь; из-за спины хозяина на Сьлядека пахнуло канифолью, лаком и свежей древесной стружкой.

– У вас можно купить лютню?

Бородач оценивающе прищурился. Кивнул, посторонившись.

У Петера разбежались глаза: на стенах были развешаны новехонькие виолы, лиры, флейты, свирели, басовая теорба саженной длины… Лютни! Десятка два, не меньше. Матовые отблески лака, строгие линии грифов. С молчаливого разрешения хозяина Петер взял со стены одну, бережно, знакомясь, перебрал струны. Что за напасть?! На пробу сыграл вступление к легкомысленной паванилье. Первое впечатление оказалось правильным. Звук у лютни был *чужим*. Вздохнув, молодой человек виновато развел руками. Поколебавшись, взял другой инструмент.

Хозяин угрюмо хмурился, глядя, как покупатель вешает на место седьмую по счету лютню. Неприязненно буркнул:

– Синьор привереда?

– Вы понимаете, – смутился Петер, – я… Хотелось бы звучания…

Бородач откровенно расхохотался:

– Какого именно *звучания*? Синьор хотел бы лютню работы Вазари? Романо? Самого Пазотти?

Петер не вполне уяснил суть насмешки.

– Понимаете, я бы хотел… примерно так…

Он развернул тряпицу, извлекая свой видавший виды инструмент. И увидел: у владельца мастерской медленно отвисает челюсть. Бородач стал удивительно похож на маэстро д'Аньоло:

– Мамма миа! Дай! Дай сюда, варвар!..

Пожав плечами, Петер исполнил просьбу. Раздумывая: не отдать ли старушку в ремонт? Наверняка дешевле выйдет.

– Клеймо! Где клеймо?! Наверное, оно было здесь… Дикари! Тупицы! Кто издевался над этим шедевром?!

– Это не я! – поспешил на всякий случай заверить Петер. – Я ее берег, мне без лютни хоть в могилу! Если вы про обгорелое пятно, так я ее уже с пятном купил…

– Где? Где купили?

В глазах бородача метался отблеск безумия.

– На ярмарке в Болеславце. У кузнеца Ковальчика.

– У кузнеца?! Зачем кузнецу лютня?!

– Вот и он ругался: мол, на кой она мне? Забирай, парень, даром отдаю. А сам, гад, цену заломил! – еле-еле за одиннадцать грошей сторговались. Он пятнадцать хотел. Где ж это видано: за старую лютню – пятнадцать грошей?!

– Одиннадцать гро-чей?

Петер быстро прикинул в уме:

– Ну… примерно полтора скудо по-вашему.

– Полтора скудо?! Полтора скудо?! Бандито, бандито монструозо!!! Джузеппе! – от вопля темпераментного хозяина у бродяги заложило уши. – Беги сюда! Мадонна, полтора скудо!

Из задней двери возник второй бородач – точная копия первого.

– Чего орешь, Антонио?

Антонио сунул ему в руки лютню, и в мастерской надолго повисла мертвая тишина.

– Откуда?! – с трудом каркнул наконец Джузеппе.

– От кузнеца! От грязного, вонючего кузнеца! Вот этот принес… Молодой человек, вы хоть знаете, что родились любимчиком Фортуны?

И, не дожидаясь ответа:

– К сожалению, клеймо уничтожено, но рискну предположить: это ранний Пазотти! Подлинный Дель Дьябло, еще до раскаяния!..

Джузеппе судорожно кивнул.

– Ей нет цены! К тому же она очень неплохо сохранилась. Я вижу, вы достойно обращались с сокровищем…

Петер вспомнил, как вместе с «сокровищем» мок под проливным дождем, как шел из города в город в лютый мороз, как однажды забыл инструмент у жарко натопленной печи, как вечно хотел сменить тряпицу на кожаный чехол, но не собрался…

– Заклинаю вас, молодой человек: ни за какие деньги не продавайте эту лютню! Если хотите, мы с братом приведем ее в порядок – она еще послужит и вам, и вашим детям!

– Сколько… Сколько это будет стоить?

Бородачи замахали руками, точно два ветряка.

– Ни единого сольдо, синьор! Отреставрировать раннего Пазотти… Мы готовы доплатить за оказанное доверие!

Возвращаясь в консерваторию, Петер долго думал о том, что довелось ему услышать перед уходом из мастерской. Если верить братьям, великий Иеронимо Пазотти к сорока годам раскаялся в заблужденьях молодости и отринул гнусное прозвище. Кстати, скромный интерес Святейшего Трибунала весьма поспособствовал раскаянью маэстро. Сделанные им ранее инструменты куда-то исчезли, их пытались отыскать, но безуспешно. Особенно искали первую лютню Дель Дьябло, прозванную «Madonna Luna», то есть «Капризная госпожа». Говорили, что «Madonna Luna» понуждает владельца к вечным скитаниям. А если владелец противился, задерживаясь на одном месте, – лютня меняла хозяина. Красивая легенда, Петер еще решил написать песню о дебюте грешного Дель Дьябло…

Новая лютня, взятая на время ремонта, доверительно жалась к боку. Ей очень хотелось понравиться, стать своей. Извини, милая, не получится. Петер Сьлядек – однолюб. Даже если великий Пазотти никогда не касался моей старушки. Речь о другом.

Он и сам не знал, о чем речь.

Маэстро д'Аньоло на следующий день чуть не сошел с ума, обнаружив в руках Петера новую лютню. Однако, узнав, что старый инструмент отдан на реставрацию, успокоился. Большие деньги, между прочим, сулил, если Петер уступит лютню ему. Чудовищно большие. Невозможные.

– Извините, маэстро, – удрученно потупился Петер Сьлядек. – Извините. Хотите, выгоните меня взашей?

Д'Аньоло выгонять не стал.

По берегам канала загорались фонари. Знакомые ступени, уходящие под воду. Гондольер зажигает светильник на носу, во избежание столкновений, и лодка бесшумно отчаливает. Теперь пересечь пустынную в это время Пьяцца Сан-Марко, где над тобой нависает почти невидимая сейчас пятикупольная громада собора с четверкой бронзовых коней над центральным порталом, свернуть к Пьяццетте, где днем шумит многолюдный рынок, нырнуть в узенькую улочку – и вот она, мастерская. Кстати, и гостиница, куда надо доставить ноты – совсем рядом.

– Добро пожаловать, молодой человек! Прошу вас…

Сьлядек остолбенел. Лютня в руках Антонио (или Джузеппе?!) сияла новеньким лаком, былые потертости исчезли, от царапин и горелого пятна не осталось и следа. Петер с замиранием сердца принял инструмент, с трепетом коснулся струн, – вдруг вместе с разрухой ушло и звучание?! Нет. Близнецы свое дело знали. Мало того, категорически отказавшись от платы, пускай символической, они выдали Петеру новенький, специально прожированный от сырости и дождя, чехол из кожи. Ну, уж за чехол Петер все-таки всучил им деньги, хотя пришлось потрудиться.

В итоге запоздал с доставкой нот.

– Почему так поздно? – скривил губы ученик маэстро.

– Прошу прощения, синьор! Нотопечатня не справляется с заказами… Я сразу! Я спешил!..

Но спесивец махнул рукой, и Петер, поклонившись, вышел. Он было направился к арке, ведущей в гостиничную тратторию, откуда вкусно тянуло жарким, луком и бобовой похлебкой, как вдруг чутье, выработавшееся за годы странствий, толкнуло бродягу в угольную тень под ближайшим карнизом. Поначалу он ничего не разглядел. Позже, когда глаза привыкли к темноте, всмотрелся, – и понял. В арке прятались люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.